

С (НОБ)

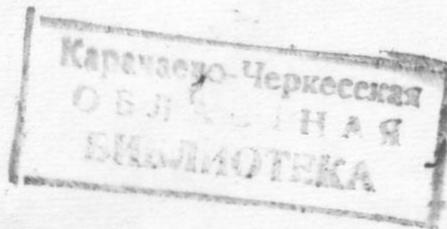
К 20

314040 - А

ХР.

СУЮН КАПАЕВ * ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

С (Кав)
К20

311040-А

Капаев Суюн

К20 Перекати-поле. Стихи и поэмы. Пер.
с ногайского. М., «Современник», 1975.

95

В стихах ногайского поэта Суюна Капаева слышен отзвук старинных мелодий и ритмы будничной работы. Запах степей, блеск необъятного неба присутствуют в его стихах, придают объемность и глубину неторопливым раздумьям автора.

К $\frac{70403-192}{M106(03)-75}$ 205-75

С(Кав)

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННОК», 1975 г.

СУЮН КАПАЕВ ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

СТИХИ И ПОЭМЫ

Перевод с ногайского

«СОВРЕМЕННОК»
МОСКВА, 1975

ДЫМ КИЗЯКА

Подхожу тропой к аулу —
Мне в лицо издалека
Утро свежее пахнуло
Тонким дымом кизяка.

И теперь я вижу четко,
Как, слоистый и седой,
Дым струится над девчонкой,
Что спустилась за водой.

Дым, над крышами качаясь,
Вдруг достанет до тропы.
В нем услышу запах чая
И наваристой шорпы¹.

Дым кизячный на рассвете...
Жизнь аула в том дыму.
Встарь — богат ты или беден —
Узнавали по нему.

Горьковатый дым струится
По стволам и по листве
И пугливой белой птицей
Исчезает в синеве.

Неспроста в застолье люди
Встарь говаривали так:

¹ Шорпа — мясной бульон.

— Счастлив будь! Пусть вечно будет
Во дворе сухим кизяк!

...Уезжаю из аула.

Утро мне издалека,
Как платком, вослед махнуло
Белым дымом кизяка.

ЮВСАН

Смешайте запахи земли,
Среди них один я распознаю:
Ювсан из степи принесли, —
Я запах степи вспоминаю...

Смешайте языки земли,
И я среди них тотчас узнаю
Зов матери — родной земли, —
Язык ногайский понимаю...

Бывает горек он порой,
Тот наш степной полынный запах...
Язык народа, — мой родной,
Ты на степных настоях травах!

ДУМЫ

Думы накапливаются с годами.
Кажется, сил больше нет — конец:
Гслову сдавит и сердце сдавит
Память, тяжелая, как свинец.
Память войны обжигает планету —
Перед глазами клубится мгла.
Только в могучих лучах рассвета
Тяжкие думы сгорят дотла.

Так рассыпается сон угрюмый,
И в изголовье на смену ему
Дня молодого приходят думы,
Как облака в золотом дыму.

В будущем так же, как в настоящем,
Смелые думы живут твои.
Чистые — зноем не сжечь палящим.
В Завтра бери их,
И Мир твори!

Если же сердцу ночами больно,
Значит, живой ты, значит, дыши
Глубже каленым воздухом боя.
День.
Продолжается жизнь души.

ПЕЧАЛЬ И РАДОСТЬ

Дождь, как назло: —
Печалится душа.
Не повезло:
Печалится душа —
Не повезло доверчивому другу.
Он бродит, листьев горечью дыша.

Печалится душа, что бомбы вновь
Взрываются, что обагрят кровь
Невинную траву, но торжествует
Над черным злом высокая любовь.

Все ж неба больше, чем угрюмых туч,
И вездесущ горячий быстрый луч!

Живу: то света не хватает мне,
То даже ночью солнце в вышине.
Живу и за других страдать умею,
А стало быть, и радуюсь вдвойне.

КОНЬ

Друг человека — конь:
Из ноздрей — золотой огонь.
В степь, будто в бубен, стук:
Тук-тук, тук-тук.

У наездника сердце бьется
Стуку дробному в ритм,
Он смеется,
Лицо горит.

Молод наездник
Или в летах,
Стук, словно песня:
Тук-так!

Если же конь умчался твой
И стук по степи не слышен боле,
Значит, один ты остался в поле,
Лишь месяц с ухмылкой над головой...

Был конь —
Ме-чта,
Ла-донь
Не та.

Не так ласкала твоя ладонь,
И сердцу бы надо стучать живее.
Не слился ты сердцем с мечтой своею —
Сбросил тебя и умчался конь.

Вдали:
Тук-тук —
Чуть слышен стук...

ДЕВУШКА-ЧАБАП

На горных пастбищах трава
Зеленым соком брызжет.
Большая солнца голова
Склонилась в космах рыжих
Над свежим, в огненной росе
Альпийским мягким лугом.
Туман по впадинам осел,
И овцы друг за другом
Бредут дорогою своей,
Стучат копытца четко.
Поет пастушка, вторит ей
Звон горного потока...
Айт-айт! Подъем кремнист и кру.
Копытами избит он.
Смешно, что все ее зовут,
Как юношу, джигитом.
Но ей и горько оттого,
Что, столько перевалов
Пройдя, джигита своего
Еще не повстречала.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Тревожно стало в мире и чёрно.
Но, землю осветив мгновенным блеском,
Натянутое неба полотно
Гроза разорвала с победным треском.

И, землепашцам сердце веселя,
Дождь проливной овраги плеском полнит
Он перестанет скоро, но земля
На целый год теперь его запомнит.

НЕ ЗАВИДУЙ!

Ты счастьем других не завидуй.
Не засти себе белый свет:
Ведь зависть приходит со свитой —
Тут злоба, обман и навет.

Ты мудрому внемли совету:
Живи, как средь близкой родни,
В народе,
Не злись и не сетуй,
Будь щедрым и в черные дни
На ласку, на доброе слово,
И горечь, и радость деля
С людьми.

А завистника злого
Как только и носит земля?!

Каким же он воздухом дышит,
Как в омуте мутном живет?
Окликни его — не услышит,
И, видно, напрасно народ
Толкует ему: «Не завидуй!
Смотри, уж и волос седой,
А ты все в обнимку с обидой,
С фальшивой своею бедой...»

О СЕРДЦАХ

Недавно слег в постель чабан Сатай.
Лет шестьдесят ему—не слишком старый,
Как юноша, мускулистый — считай
Все наши горы исходил с отарой.

Но заболело сердце у него.
А сколько раз смеялось, ликовало:
Всходил Сатай на гребень перевала
И славил песней света торжество.

Все звуки старых гор в себя вобрав
И ручейков омыто чистотою,
Впитало сердце зной медовых трав,
Высокий холод звездного настоя.

Всегда навстречу ветру и лучу,
И ливню, и костру, чтобы согреться,
Оно стучало.
Я сказать хочу,
Что всей Земле открыто было сердце.

И вот в него иглою боль вошла...
Как и откуда вместе с добротой
На лепесток упала капля зла?
Как тень легла на солнце золотое?!

Ответ один: кто вечно в кулаке,
Чтоб не отдать другому, сердце держит,
Кто среди нас живет, как вдалеке,

И скрытностью скупую душу тешит,
Вовек не заболит сердцем, нет!
Ведь нечему болеть, и он меж нами,
В броню неуязвимости одет,
Притих, держа за пазухою камень.

Вот слег в постель Сатай, седой пастух.
Не камни ль равнодушия задели
Большое сердце?
Только не потух
Огонь в глазах, и значит, силы в теле
Живут,
И, я уверен, будет час,
Когда свирель возьмет он в руки снова,
И те, что притаились среди нас,
В ресницах не удержат блеска злого...

РОДНИК

Родник в густой траве лопочет.
Он молод, он лучится весь.
Он о седых горах не хочет
И знать: где, мол, такие есть!

А между тем почти что с неба
Бежит ручей. Наверняка,
Не будь в горах седого снега,
Иссякло б сердце родника.

ОЧАГ

Дед, умирая, губами сухими
Мне повторял: «Свой очаг береги!
Пусть его даже и в годы лихие
Не разорят, не затопчут враги.

Пусть не коснется молва его злая,
Пусть разгорается, мраку грозя,
В доме, как алое сердце пылая,
Чтобы его увидали друзья.

Только тогда будет полною чашей
Жизнь и тепло сохранится в строке,
Если, заботясь о ближних, почаще
Будешь следить за огнем в очаге.

Жизнь не один только праздник погожий,
В стужу и капля огня дорога.
Внук, береги свой очаг от врага!
Смерть увидеть — да не дай тебе боже! —
Возле холодного очага».

Жить я стараюсь по дедову слову:
Пламя, как сердце, трепещет в ночах,
И собираются снова и снова
В доме друзья,
И бессмертен очаг.

КРЫЛЬЯ

Стремятся птицы ввысь из века в век —
Заманчивая, радостная доля.
Им сверху еле виден человек,
И что ростками оперилось поле.

Ростки окрепнут — ведь недаром пот
Работы огневой ручьем струится.
И будет день — упруго развернет
Большие крылья,
Зазвенит пшеница.
На птиц горластых поглядит степняк —
В глазах искринки высоты запляшут.
Летают птицы, люди землю пахут.
Все так, но не совсем, однако, так.

Не червь земной среди своих забот,
Не только создатель изобилья,
Упорный пахарь издавна живет
Мечтой:
Посеяв хлеб,
Обрести и крылья.

Не стоит добавлять: уже обрел —
На небо в быстрых звездочках взгляните.
Свое гнездо свил разума орел
Не где-нибудь, а в теплом желтом жите.

КАПЛИ

Капли росы, на заре выпадая,
Влагой питают траву.
Даже и осенью, как молодая,
Рвется трава в синеву.

Капельки слез на ресницах, как блески...
Высохнут слезы, и все ж
Ими оставленные бороздки
После ничем не сотрешь.

Первая капля ударила в камень.
Знали бы камни в горах,
Что и они от настойчивых капель
Могут рассыпаться в прах!

Если мы сердцем с тобой не ослабли,
Значит, недаром в крови
Носим горячие быстрые капли
И доброты, и любви.

Капли росы, на заре выпадаая,
Влагой питают траву.
Даже и осенью, как молодая,
Рвется трава в синеву.

БОРОЗДА

Блескучий лемех по земле прошел,
Как в масле нож, а воздух сдобрен прелью
Густою, но бодрящ, а не тяжел.
И протянулась борозда к апрелю,

К его грачам и белым облакам,
Что в мягком небе и свежи, и быстры.
Земля идет навстречу лемехам,
Пронзают воздух золотые искры,
И тянутся лучи к моим стихам...

ПОДСНЕЖНИК

Как только свет апрельский с неба
Приветливо на землю лег,
Среди рыхлеющего снега
Качнулся тонкий стебелек.

Напомнил нам о скором севе,
Расправил шляпку над собой:
Мол, здравствуйте! Так на пригреве
Флажок поднялся голубой.

И плавилась снега, и вскоре
Своею ровностью горда,
На самом солнышке, на взгорье
Легла парная борозда.

Над ней уже грачи хлопочут,
И появляются на свет
Флажки зеленые из почек
Флажку подснежника вослед.

В РОДНОМ АУЛЕ

Я ширь ни мерил бы какую,
Какой бы ветер в грудь ни дул,
Но по тебе везде тоскую,
Мой тихий маленький аул.

Слетя с карнизов камышовых, —
Жильцы проворные твои, —
Мне дарят радостное слово,
Метнувшись в небо, воробьи.

Я вновь в ауле. Ровно дуя
С поголубевших к ночи гор,
Мне ветер песенку простую
Принес с лугов, а в ней укор:

Мол, слишком долго дома не был,
И не вдыхал кизячный дым,
Что стелется под теплым небом,
Аул, по улочкам твоим.

И девушки пройдут гурьбою,
Прищурив черные глаза.
Родимый край, я вновь с тобою
У речки, чистой, как слеза.

И, видно, силой чуждодея
Ты обладаешь, если я
Душой и телом молодею
У материнского жилья.

И оттого гляжу с любовью
На мир,
И, словно мне в ответ,
Взгляд быстрый и под черной бровью
Лукаво полыхнувший свет...

ЗАЧЕМ ДНЕМ ПОКОЙ

Там, говорят, покой
За шумною рекой
И мысли там роятся,
Словно пчелиный рой.

Мне шум дневной милей.
Ведь там, где нет людей,
Там буду одинок я,
А одному трудней.

Глухая тишь среди дня
Мне будто западня.
Когда же день, как улей, —
Находит мысль меня.

ГОРНЫЙ РУЧЕЙ

Бежит студеный ручеек в теснине,
Как песенка в свирели, в ней живет.
Но вот он вырывается под синий
Высокогорный гулкий небосвод.

И на лужке, его наполнив звоном,
Он солнышко средь сочных трав зажжет,
И вниз бежит путем своим зеленым.
И вновь ущелье, и опять — лужок.

Вода его студеная целебна,
Ей в сладости уступит и сербет¹.
Почей — и ты узнаешь запах неба,
И ледников тебя пронижет свет.

Стремительно чисты ручья излуки.
В себя вбирает на большом пути
Ручей все краски, запахи и звуки —
Есть с чем к большому морю подойти.

Не оттого ль грохочущий простор,
Где толпы волн в движенье поседели,
В себя вобрал и эхо мощных гор,
И светлый звук пастушеской свирели?

¹ Сербет — медовая вода.

ПЕСНЯ ЧАБАНА

Жара придет не скоро,
Далёко до жары.
В лучах маячат горы,
Как белые шатры.

Айт, айт, мои овечки!
Полакомьтесь травой,
Потом спуститесь к речке
Пугливой, ключевой.

Эх, славная водица,
Студеная волна:
Такой воды напиться —
Не надо и вина!

Я пью, и будто звезды
Прносятся в крови.
Могучий горный воздух,
Все раны заживи!

Айт, айт, моя отара!
В ложбинах сед туман.
Совсем еще не старый,
Овечки, ваш чабан.

В калеки не списала
Проклятая война.
Растите больше сала
Под серебром руна.

СЫБЫЗГЫ¹

В траве, что тяжела еще, влажна,
Цветы в прозрачных каплях зацвели.
Вновь сыбызгы в руках у чабана.
Проста и звúчна песенка свирели.

А в синей высоте блещут снега,
По каменному ложу речка мчится.
Как воздух чист, как эти звуки чисты,
Как чистотою дорожат луга!

И все в одно дыхание слилось,
И сердце гор, и сердце человека,—
Да и никак нельзя им биться врозь,
А вместе, как положено от века!

¹ Сыбызгы — свирель (ногайск.).

ЗАРЯ В ГОРАХ

Родимый край во тьме ночей
К истокам зорь не раз исхожен.
Вновь из ущелья, как из ножен,
Кинжальный выхвачен ручей.

Он прямо в сердце поразил
Тьму, что скопилась в горных складках,
И заалел туман в распадках,
И потянулся что есть сил

По склону вверх. Могучий бас
Светила загремел с востока,
И снова ожил бег потока
И заиграл в лучах, как барс.

КУНАК

«Почетнее отца кунак» —
Так предки утверждали.
Его одаривали так,
Как сыновей едва ли.
Делили радость с ним,
Коня
Дарили лучшей масти,
Чтоб, дружбу горскую храня,
Знал — в чем людское счастье,
Чтоб чаще навещал кунак.
Ведь предки рассуждали так:
«Ты кунаку открыл свой дом,
Сам завтра станешь кунаком».
Скажу, их доброту ценя,
Что предки были правы, —
Седлали часто мы коня
Совсем не ради славы.

ДОМБРА

Из жил две тонкие струны —
В них то речушки звон средь ночи,
А то в седой степи топчут
Под жгучим солнцем табуны.

Две тонкие струны из жил,
В них слышится печаль порою,
Ущелье видится сырое,
Пройти его не хватит сил.

Всего две жилы, но они
Рождают песню, что двужилна,
И голос домбры, чистый, сильный,
Выстаивал в лихие дни

И к свету выводил певца,
Какая б сердце ни терзала
Печаль, — и с гребня перевала
Ширь открывалась без конца.

Да, в домбру малую народ
Вложил веков протяжных эхо.
В ней дремлет колокольчик смеха,
Окаменевший стон живет.

Певец на струны положил
Ладонь. Мой русский гость, послушай
Народа трепетную душу...

Две тонкие струны из жил.

ШОЛПАН-ЮЛДУЗ¹

Спать ушел в ущелье ветер,
Держит сумрак звездный груз,
И опять в глаза мне светит
С высоты шолпан-юлдуз.

Если даже всю планету
Обойду, в любом краю
По трепещущему свету
Я найду звезду свою.

И когда к утру погаснут
Звезды ночи чередой,
Лишь она мне будет ясной
И единственной звездой.

Я, наверно, нынче в сотый
Раз сравненье повторю,
Что к ее крутым высотам
Тропку радости торю.

Ты прости, читатель, эту
Мне беду: не нахожу
Новых слов и в час рассвета
На шолпан-юлдуз гляжу.

¹ Шолпан-юлдуз — утренняя звезда.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Когда лежат два шага меж тобой
И недругом твоим,
Святое дело
С ним в бой вступить,
В открытый трудный бой.
К нему готовы и душа, и тело.

Не как же ты поступишь, если вдруг
Узнаешь, что таится за спиною
И ждет минуты, чтоб ударить... друг?
Достанется тебе какой ценою
Сомнения побороть и разглядеть
Под лицемерной дружеской личиною
Глаза врага?
Но разгляди, и впредь
Гони из сердца память,
Будь мужчиной!

ТРОПИНКА

Наброшена петлей на горы
Тропинка — будто проскакал
С арканом здесь
Могучий, гордый
Из старой сказки аксакал.
Лихую выбрал я дорожку:
Ручьи стремительно летят
С вершин и будто бы подножку
Подставить путнику хотят.
Хоть был бы путником бывалым,
А то ведь первый раз ступил
Я в эти горы.
Под обвалом
Погибну, выбившись из сил.
Я ободрал о камни ноги,
Одежду в клочья изорвал.
Но рядом, вот —
Изгиб дороги,
И —
Долгожданный перевал!

...Стою на солнечной вершине,
Где дремлют вечные снега,
И бьет в глаза мне синий-синий
Огонь,
И рядом — облака.

ШЕПЧУТСЯ ТРАВЫ

Мягкие сочные травы.
Слышится в шелесте их
Голос немного картавый.
Сочные шепчутся травы,
Радость в душе затаив.

Шепчутся или же просят
Ветер, что древней земли
Тронул ковыльную проседь:
«Ласковой нас шевели!

Пылью кидайся дорожной,
Мни ковыли. Но в пути
С нами ты будь осторожней:
Мы начинаем цвести».

Ветер (на что уж без риска
Шагу не сделал в горах!)
Стих, услышав материнский
Голос задумчивых трав.

Травы же шепчут и шепчут:
«Солнышко, встань поскорей,
В росах озябшие плечи,
Красное, нам обогрей!»

Нравится травам пчелиный
Все нарастающий гуд.
В узких ладонях долины
Тихие травы цветут.

КОЛОСЬЯ

Ветер стих и, успокоясь,
Чуть вздыхает в легкой мгле.
И склонился спелый колос
Низко к матери-земле.

Ей поклон— спокойной, черной,
Сытой солнечным огнем.
Колос клонится, и зерна,
Словно пчелы в улье, в нем.

В небо звезды вышли с краю..
Нынче, вечер, окропи
Звездопадом урожай,
Собранные здесь, в степи!

ЖАВОРОНОК

Вот жаворонок в жарком небе
Все кружится. Звенит, звенит.
Не виден людям крыльев трепет,
И ветер волосы им треплет,
Глаза устремлены в зенит.

И радуются люди: значит,
Созреет доброе зерно.
А этот жаворонок плачет,
Гнездо его разорено...

С одной лишь думою о хлебе
Насущном мы глядим в зенит,
А капля крохотная в небе
Повисла, жалобно звенит.

ЗВЕНЬЕВАЯ

Волны шумящего хлеба.
Воздух дрожит слюдяной
Там, где текучее небо
Соединилось с землей.

Тихо. И только по краю
Узкой полоски межи
Девушка ходит, срывая
Стебли клонящейся ржи.

Медленно их растирает
В узких ладонях своих,
И под лучами сверкает
Золото зерен литых.

В поле, в слепящие блики
Смотрит устало она,
Словно художник великий
У своего полотна.

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Без труда и жизнь пустая,
Без труда и день не в день.
С каждым часом вырастая,
На поля ложится тень.

Ты устал.
Под отчим кровом
Набирайся новых сил.
Будет крепким и здоровым
Сон, коль день здоровым был.

Коль с утра тугой румянец
На его щеках лежал,
И, колосьями изранясь,
Над пшеницей зной дрожал.

И твоя ладонь сжимала
До заката колесо
Раскаленного штурвала —
Только жар степной в лицо.

Да, конечно, жарок был он,
Да, конечно, был тяжел...
Мягко кровь скользит по жилам.
Сон неслышно подошел.

Шепчет он свои простые
И волшебные слова.
Под его рукой остынет,

Прояснится голова.
Ну, а завтра,
Как впервые,
Снова день с его огнем.

Трудовые, огневые
Годы жизни —
День за днем.

БОЗА

Покачнулись небеса
От хмельного духа.
Бродит ярая боза
В бурдюке раздутом.

И снимает этот сок
Утомленье быстро.
Тесен кожаный мешок
Для бозы искристой.

Бьется в стенки и шумит,
Чтоб испил ее джигит.

В том броженье — летний зной,
Шум колосьев спелых
И горянки молодой
Смех задорно-смелый.

Говорит — ручьем звеня —
Девушка джигиту:
«Обуздать ты смог коня, —
Обуздай напиток!»

Он в ответ смеется ей:
«Что ж, посмотрим, кто сильней!»

И живей, чем в бурдюке,
Хмель играет в теле.

Словно волны по реке, —
На душе веселье.

Ты играй, играй, играй,
Льется песня через край,
Ноги рвутся в пляску,
Ну а руки — к ласке.

Ах боза, ох боза,
Затуманились глаза.

Любит буйный хмель, резвясь,
Крепкие объятья.
С первой чаши — с ним друзья,
С чаши третьей — братья.

Уж огонь упал в золу,
А джигит все медлит —
Как прощальный поцелуй,
Пьет глоток последний.

Пуст бурдюк — стелькой спит.
Только бодрствует джигит.

ОСЕНЬ

Ногайское взгорье в сквозной синеве,
Но глазу уже видна,
В листве поредевшей, в поредевшей траве —
Охра и желтизна.

Стоит кукурузы поникший лес,
Початки созрели... Тишь...
Палящее солнце с высоких небес
Сжигает сухой камыш.

Как мелкая соль, блестят ковыли,
И осень, спустившись с гор,
Хозяйкою щедрой идет вдали
В широкий степной простор.

МОРОЗ

Ну, мороз! Луна продрогла.
Неприятно ей, луне.
Льдом окованные стекла.
Скрип пугливый в тишине.

Сыпя острые кристаллы,
Редкий падает снежок.
Вот и ожил город старый —
Фонари свои зажег.

А мороз еще сильнее —
Нет прохода никому.
Щиплет щеки, сатанея..
Хорошо сейчас в дому!

Вот он дом. Вбегаю в сенцы,
Опускаю воротник.
И за дверью прямо к сердцу
Алый луч тепла приник.

А за дверью хлебом теплым
Пряно пахнет тишина.

И заглядывает в стекла
И завидует луна.

ЛЮДИ

Заблудился в степи человек:
Ночь, и вьюга косматая свищет,
Но глядит он с надеждой сквозь снег,—
Огонька точку малую ищет.

Путник в вязком снегу изнемог,
Он во вьюге, как в мутном колодце,
Где-то, где-то витает дымок,
Неужели к нему не пробьется?..

Не пробился. Погиб человек.
Ни друзей, ни родимого дыма...
Только белый, куда-то гонимый,
Безучастно сжигающий снег...

АУЛЬСКИЕ ЗАРИСОВКИ

1

Мечтает о коне малыш, —
Еще он палку объезжает,
Метлу в коня преображает,
И крик летит у самых крыш,
Мечтает о коне малыш...

Спешит с мечтой в простор далекий,
Без усталости на солнцепеке
Кричит и скачет каждый день,
И с ним коня живая тень...

Скакун — мальчишек всех мечта!
И мчится конная братва...
Им взрослые дадут места, —
Так юность их коней брала...

2

Все крутится веретено
И кружит нитку год за годом...
Так бабушкой заведено, —
Все вьется нить, проходят годы.
И вот уж голопузый внук
У ног с той ниткою играет...
Вот новый год свершает круг,
И бабушка клубок кончает.

Связала варежку она,
Но нитка путь не обрывает,
А сердце бабушки пылает
И жар свой внуку отдает...

ОРЛЫ И ВОРОНЫ

Есть крылья у орла и у вороны,
Язык у мудреца и у глупца.
Слетаться воронью на похороны,
Орлам стремиться в небо без конца.

Язык глупца подобен тем вороньим
Бессильным крыльям — на беду спеши.
Не тешась любопытством посторонним,
Весомо слово мудреца в тиши.

А воздух пламенеет, словно порох.
А волны ходят в море, тяжелы.
И каркают вороны на заборах.
На скалах расшибаются орлы...

РАЗГОВОР О КРАСОТЕ

Милая девчонка, не спеши
Красоте завидовать наружной.
Видеть в людях красоту души —
Вот чему
Тебе учиться нужно.

А когда научишься, и ты
Сердцем отзовешься непременно,
И в тебе от этой красоты
Тихая наступит перемена.

Сразу неприметна красота,
Но она повсюду есть, девчонка.
Вот она в дрожании листа,
Солнышком пронизанного тонко.

В огоньке, который изнутри
Осветил окно родного дома,
В капельках приветливой зари,
Загустевшей на цветах медово.

Ну, а разве не пьянит настой
Трав степных, где пробегает стрепет?
Красотой неброскою, простой...
Как тебя очаровали степи!

Будь и ты, как эта степь, проста,
И на свет отзывчива, как травы,
Наши деды были в главном правы:
В глубине таится красота.

МАТЬ

— Любовь моя, — сказала ты, —
И отдала — любовь.
— Ты кровь моя, — сказала ты, —
И отдала мне — кровь.
— Ты вся вселенная моя, —
Мне говорила мать.
— Мое бесценное дитя, —
Любила мать шептать.

— Ты предрассветная звезда, —
Мне голос твой шептал.
Недосыпала ты всегда,
Чтоб я подольше спал.

Ты говорила:

— Ешь, сынок! —

Лишь недовольна тем,

Коль я домашний творожок

Иль каши не доем.

Мне о тяжелых днях своих

Не говорила ты, —

И за двоих и за троих

В семье несла пуды.

— Мужчина мой, — шептала ты, —

Джигитом храбрым будь.

— Ты вырастешь, — сказала ты, —

Отправишься в свой путь. —

Тебе опорю в пути —

Твой небольшой народ,
Зажег он твой очаг в стене,
Тепло в нем не умрет.

Как вырос, — не видала ты, —
Увидеть не смогла, —
И юные мои мечты
Не знала, умерла.
Ты умерла...
Но вечен след
Твоей души во мне,
И брезжит мне он,
Словно свет
В предутреннем окне,
И в радостный
И в трудный час
Мой озаряет кров.
И кровь твоя, во мне струясь,
Мою толкает кровь.
Твой взгляд и жест,
Твой вздох и речь
Всегда ношу в себе.
Хочу навеки я сберечь
Тебя в своей судьбе.
Как молоко, по капле, мать
Мне годы отдала.
И щедрость эту оправдать
И жизнь одна — мала.

КАТИ ПО СТЕПИ ПЕСНИ МОИ...

Летит по степи шар мохнатый,
И ветер гонится за ним...
И скачет шар по перекатам,
Как солнце, он в степи возник.

Крылатый перекасти-поле
Мохнат, как шапка чабана...
Гуляет он в степи, на воле,
Пред ним ковром лежит она.

Он степь глухую растревожил
И катится, как колесо,
На шапку чабана похожий,
Омытую степной росой...

Неси, шар, песнь мою по свету!
Пусть в мир она уйдет с тобой...
Тебе вослед степное лето
Летит по дымке голубой...

ПОЭМЫ

КЫРЛУ¹

Памяти землячки-пионерки
Кырымхан Мижевой

1

В истоках солнечной Кубани,
Потоков впитывая гул,
Лежит, зарею осиянный,
Ногайский небольшой аул.

Кто в нашем крае был,
Тот помнит
Приметы этих славных мест:
В полях пшеница катит волны,
Стада на взгорьях окрест.

Лишь ветер с перевала хлынет —
Звенит, плодами полон, сад...
В ауле том живет поныне
Седая, как печаль, Минат.

В ауле не забыли люди
И дочь несчастной —
Кырымхан, —
Она всегда примером будет
В делах для юных аульчан.

Живым и добрым рос ребенок.
Был каждый ей в ауле рад...

¹ Кырлу — журавленок.

— Кырлу, кырлу, —
Мой журавленок! —
Звала ее, гордясь, Минат.

О них я песнь пою сегодня,
Дивясь их пламенной судьбе, —
Что в годы горести народной
Нас звали к подвигам, к борьбе.

Песнь эта
О бойцах бесстрашных,
Что бились у врага в тылу,
О Кырымхан бессмертной нашей, —
Ногайской девочке — Кырлу!

2. Предисловие

«Кырлу, кырлу!» —
Летит над краем,
Над свежей зябью,
Над жнивьем...
Явилась осень золотая
Во всем величии своем.

Все золотым прошито звоном,
Все в увяданье золотом,
Лишь небо
Сине и студено,
Как горный чистый водоем.

Кырлу, кырлу! —
Извечным строем
Плывут по сини журавли, —
Курс

На Машук могучий строго,
Что снежно светится вдали.

Как радостен их крик
И весел,
Когда счастливые,
Весной,
Они к родимым нашим весям
Спешат дорогой голубой.

Как ныне он скребущ
И длинен! —
За ними,
От села к селу,
Летит, стелясь во всю долину,
Грусть наводя:
— Кырлу, кырлу!..

И, глядя на косяк крылатый,
Невольно песне дань отдашь...
Запала в душу мне когда-то
Родная наша «Алтыншаш».

3. Песня, которую любила Кырымхан

Дочь, Алтыншаш,
Росла джигитом —
Единственная дочь Джанай, —
Жаль было слать ее на битву,
Но враг топтал родимый край.
И дочь
Джаная упросила
Ей под седло Тулпара дать...
Как на лугу траву,

Косила
Она пришельцев злобных рать.

Как дровосек,
Секла с размаха
Под корень их богатырей.
Душа ее
Не знала страха,
Не гнулась сталь в руках у ней...

И враг бежал!
Но горе краю! —
Когда она врага гнала,
Ее ужалила шальная
И яду полная
Стрела.

Была смертельна эта рана...
Героя
Под отцовский стон
Похоронили на кургане,
Что виден был
Со всех сторон.

Живет о ней в народе память,
И одевается курган
В честь храброй девушки
Цветами:
Тут маки —
Цвет кровавых ран,

И незабудки голубые,
Как юной Алтыншаш глаза,
И блещут росы заревые
На них,
Как памяти слеза...

4. Как Кыргызхан жила-была...

Без перекатов,
Без излучин
Ребенка жизнь вперед текла...
В отряде пионеркой лучшей
Кырлу веселая была.

Подруг любила,
И платили
Ей дружбой искренней они.
Средь игр и книжек
Проходили
Ее безоблачные дни.

Бывало, золотой порою,
Увидев в небе журавлей,
Махала долго им рукою,
В путь провожая,
Как друзей.

Врезались в синь живые клинья,
Спеша к заморскому теплу,
И упадало наземь с сини
Их неизменное:
— Кырлу!..

В нем было теплое участие
К тем,
Что навек срослись с землей.
— Кырлу, кырлу!—
Желаем счастья.
До встречи ласковой весной!..

5. Беда приходит внезапно

Весною
С западной границы
Донесся ветер грозовой,
Свинцовых туч сползли станицы,
Нависнув над родной землей.

От схватки злой
Огня и стали
Над горизонтом стлался дым
И скалы грозные дрожали,
И реки в страхе жались к ним.

Стальные ястребы с крестами
Висели в небе день-деньской,
Над нивами,
Над журавлями,
Над всею жизнью земной...

Дымились города и пашни.
Дни испытаний и тревог:
Попрал святую землю нашу
Фашистский кованый сапог.

Но всколыхнулись все народы
Советской матери-земли,
Со всеми вместе
Горец гордый
Поднялся, —
Мести дни пришли!

6. Герои остаются жить в легендах

Угрюмы скалы снеговые.

Темь

В делях струдилась лесных...

Шли в горы старики седые,

И женщины,

И внуки их.

Со всеми вместе уходила

В отцовской шапке

Кырымхан.

Глаза отца суровы были,

Он вел аульских партизан.

Их ненависть

Огнем пожаров

Пылала у врага в тылу, —

Везде ждала врага

Их кара!

И всюду с ними шла Кырлу.

«Наш партизанский журавленок!» —

В отряде звали Кырымхан.

«Как быстро повзрослел ребенок!» —

Вдыхал отец.

...И сквозь туман,

И сквозь шальную непогоду

Она с отцом

Бок о бок шла,

Фашистам не давали ходу

Отважных мстителей дела.

А ночью у костра, бывало,

В укрытьи,

В тишине лесной,
Об Алтыншаш им напевала,
Погибшей в битве, как герой.

Они легендой, вдохновленны,
Пускались снова мстить врагам!..
Был дан приказ
Бойцам народным
Пройти по вражеским тылам,

Разведать замыслы фашистов,
Их силы,
Укреплений план...
У речки
Звонкой, как мониста,
Ждала засада партизан...
Гремел о камни дождь свинцовый,
Гром пушечный ярился, лют...
Бойцы
Друг другу дали слово,
Что их живыми —
Не возьмут!

К щеке щетинистой отцовской
На миг прильнула Кырымхан.
Пусть знают наш характер горский,
Пусть помнят ярость партизан!..

Для них
Один был путь отхода:
К реке, —
За ней их чаща ждет!..
Но там, за глыбою,
У брода,
Строчил фашистский пулемет.

Не сделать шагу...
Должен кто-то
Во имя всех
Вперед пойти,
Подкрасться тихо к пулемету,
Преграду смертную смести.

— Мне разреши! —
Отца просила,
За камнем лежа, Кыргызхан,
Он сам пошел, собравши силы,
И... пал от пули, бездыхан.
И дочь, ожесточась от горя,
Метнулась и полезла в гору, —

Прикончить пулемет гранатой...
Взбиралась, точно серна, ввысь
Кырлу,
Неся врагу расплату...
И скоро взрывы раздались

Внизу,
Где пулемет фашистский
Смерть в наших рассевал рядах...
Кырлу вдруг пред собою,
Близко,
Цветок увидела в камнях,

Как будто он расцвел
В честь смелых
И смерть презревших партизан,
От лепестков его от белых
Свет исходил на Кыргызхан

В пылу смертельной
Правой битвы,

В священном боевом пылу,
Все, кроме долга,
Позабыто! —
И рана жгла теперь Кырлу.
Боль поборовши,
Пионерка
Склонилась нежно над цветком.
Ей вдруг послышалось,
Что сверху,
Перекрывая боя гром,

Летит к ней
Птичий клич знакомый:
— Кырлу, кырлу, —
Товарищ наш!.. —
Напомнил остро он о доме,
О матери,
Об Алтыншаш...

И вспомнилось,
Как мать, лаская,
Ей говорила перед сном:
— Спи, дочка,
Возвратятся стаи
Весной со счастьем и теплом...

И Кырымхан,
Собравши силы,
Все небо взглядом обняла,
И мысль сознание пронзила:
Река Марух ее звала!..

— Кырлу, кырлу,
Ко мне скорее,
Тебя укрою от врага
Волною я крутой своею,
Сомкну в теснине берега...

Томила жажда...
Партизанка
Среди камней ползла к реке.
Огонь неравной схватки
Жаркой
Еще гремел невдалеке.

Но все сходил,
Сходил на убыль
С неотвратимостью беды...
Спеклись у пионерки губы:
— Воды! —
Сверлило мозг. —
Воды!..

Потом,
Струю лоя губами,
Внезапно ощутила грусть:
«Как журавли весной,
Я к маме
Уже, наверно, не вернусь...»

Сочилась кровь из раны рваной,
И оставляло вместе с ней
Кырлу тревожное
Сознанье,
И становились все слышней

Реки взбугрившейся призывы:
— Кырлу,
Погоня за спиной!.. —
Она подвинулась к обрыву,
Рывок!.. —
И скрылась под волной!..

Река Марух от пуль кипела,
Рвалась как будто тоже в бой,
И юной партизанки тело
Она укрыла под скалой.

7. Мстили за девочку горы родные

Гремели горные обвалы,
Катясь на головы врагов,
И ледники на них сползали,
Сметая нечисть с берегов...

Клялись утесы и долины,
Клялись все горцы:
День и ночь
Убийцам мстить за героиню,
За ставшую легендой дочь,

За тех,
Кто пал в сраженье правом
За честь своей родной страны..
Отмщенья огненной лавой
Фашисты были сметены!

Над горной родиной моею
Опять цветет голубизна,
Опять, по-праздничному рдея,
Идет долинами весна.

И, как во все века,
Весною
На вечный зов родной земли
Плывут дорогой голубою
К родимым гнездам журавли.

И лишь не суждено дожждаться
С теплом Кырлу своей
Минат...

Речные волны мимо мчатся
И тайну горькую таят.

Но слышит каждую весною

Минат,

Как журавли трубят:

— За небо вечно голубое

Сражалась дочь твоя,

Минат!..

АРУКЫЗ

Ногайская легенда

Травинка скажет,
былинка скажет
и перекасти-поле скажет.

Ногайская пословица

1

Сошлись в кружок гранитные утесы
Однажды,
Как седые чабаны,
На берегу реки зеленокосой
И, травы постелив,
Утомлены
Пережитым за путь многовековый,
Задумавшись,
Застыли навсегда...
Висит над ними
Щебет родниковый,
Стремится к морю
Бурная вода.
Там, над тесниной,
Где, дробясь о камни,
Река подьмет неумолчный гул,
Давно когда-то,
Убелен веками,
Но крепок и богат
Стоял аул.
И в нем,
Друг друга не обидев сроду,
Рассказывают,
Жили две семьи,
Что пополам делили
Хлеб и воду,

И горести,
И радости свои...

И по джигиту-сыну
В каждой было:
Росли,
Как братья кровные они,
В округе славясь
Красотой и силой,
Как два крыла,
Согласны и дружны.

Однажды их
Отцы к себе призвали.
Недолог был отеческий совет:
— А что, друзья-джигиты,
Не пора ли
Достойных вам подыскивать невест?
Готов ли ты, Нурай,
К женитьбе ныне?
Что думаешь об этом ты,
Ибрай? —
Уж не пушок на щеках,
А щетина,
Что только
Править бритвы успевай!..

Пошли смотрины...
Сваты засновали,
Предлоги находя,
Из дома в дом.
Ах, как сердца девичьи трепетали:
Их выбор остановится
На ком?

...Гонцы, сойдясь,
Единодушны были:
«Все сакли мы в округе обошли,
Нас многие красавицы пленили, —
Велик им счет
У матери-земли, —
И все достойны!
Втайне все мечтают
Женой Нурая
Иль Ибрая стать,
Но есть среди них
Красавица такая —
Словами невозможно описать!
Вы не должны таить на нас обиду,
Когда найдете —
Вкус незрел у нас,
Но лучше раз
Самим ее увидеть,
Чем услышать про Арукыз сто раз...»

2

В ауле
Праздник ожидался вскоре.
Для игр
Поляну выбрали в лесу,
Где мог бы отличиться
Каждый горец,
На всем скаку
Снося клинком лозу,
Ловя арканом
Скакуна степного,
Стрелюю
Птицу поражая в грудь...

В те дни
Джигита не было такого,
Чтоб не мечтал
Отвагою блеснуть.

Час пробил,
И едва лучами
Коснулось солнце снеговых высот, —
Наполнилась округа голосами,
К поляне, принаряжен,
Шел народ.
Джигиты гарцевали в нетерпенье,
Отцы
Победу прочили сынам...
Как на лугу цветов
Порой весенней,
Невест собралось ясноликих там!
И лишь два горца
Проезжают мимо,
От девушек печаль не в силах скрыть:
«Где ж Арукыз?
Нет солнечной меж ними!..
Как благосклонность гордой заслужить?..»

За удаль
Дарят девушки аула
Улыбки лучезарные парням...
Вдруг,
Как второе солнышко блеснуло, —
Гул пробежал волною по рядам, —
Явилась Арукыз...
Не лгали сваты:
Пред ней тускнела
Всякая мечта!

Нурай с Ибраем —
Названные братья —
Замешкались с поклоном
Неспроста!
Но в тот же миг,
Уняв в сердцах волнение,
Приблизились они достойно к ней
И руки протянули:
Предпочтенье
Кому она отдаст
Из двух друзей?
Джигиты ждали,
Ревностно пылая, —
Что у невесты знатной за душой?
И Арукыз,
Взглянув в глаза Нурая,
Решила:
— Стану я твоей женой.
Но с тем условием,
Чтоб не иссякала
Мужская дружба
К радости друзей! —
Так побратимам
Арукыз сказала.
— Пусть будет так! —
Ибрай ответил ей.
— Пусть будет так! —
Нурай ответил другу
И огляделся радостно вокруг...
Друзья,
У седел подтянув подпруги,
Пустились снова
На джигитский круг...

О пышной свадьбе
Долго вспоминали
Потом,
Когда веселья стихнул гул.
Насущные заботы
В поле звали,
К делам вседневным отошел аул.
Молодоженам —
Праздник бесконечный,
Все пребывает
В свете золотом —
И полдень,
И полуночная млечность
В их жилах бродят
Солнечным вином...
Нурай доволен был
Своей судьбою,
Гордился другом,
Статною женой,
Достатком в доме,
Тем, что за собою
Не знал грехов...
Но сложен мир земной!..

Все шло, как прежде:
Счастьем окрыленный,
Нурай весь мир
Готов был обогреть.
Ибрай же стал
Как будто затаенней,
В глаза Нурая избегал смотреть
И появлялся реже

В доме друга,
А раньше было —
Не разлить водой!..

4

Однажды, в жаркий полдень,
На досуге,
Вдали от дома,
В стороне глухой,
Друзья, охотясь,
Выехали в степи,
Погонею лихой увлечены.
Ибрай,
Глазами засверкав свирепо,
Вдруг снял ружье свое из-за спины
И разрядил его в упор
В Нурая!
Качнулся побратим его в седле
И повалился наземь,
Умирая,
В высоком утопая ковыле.
— За что, Ибрай?
— За Арукыз умрешь ты.
Я тоже счастье испытать хочу,
Я обделен судьбой,
Пока живешь ты, —
Судьба скупа —
Доверь печаль мечу!..
Ты — баловень судьбы
И тем виновен.
Смерть ждет того,
Кто на моем пути.
Твой прах
Травкою рассосется новой,

Родным
Тебя вовеки не найти...
— Братоубийца!..
Смерть
Мне лик свой кажется,
Но помни, —
Правда
Свой отыщет путь:
Травинка скажет
И былинка скажет,
И перекасти-поле...
Проклят будь!.. —
Три дня и ночи
По горам и долам
Ибрай скитался,
В думу погружен:
Что он о смерти друга
Скажет дома?
Как заметет
Свое коварство он?

И вот в аул явился,
Страх осилив,
Оборван,
Изможден,
Бешмет в крови...
— А где ж Нурай наш? —
Родичи спросили.
— Что случилось с ним?
Душою не криви!..
— В клочки
Нурая разорвали волки, —
Стонал Ибрай,
Не поднимая глаз, —
Они его коню

Вцепились в холку,
Свалили...
Я стрелял по ним...
Не спас...

5

Как будто
Солнце с той поры потухло
Для Арукыз,
Под траурным платком,
Как яблоня в жару,
Она пожухла,
Жила, не видя ничего кругом,
Ходила, утешеньям не внимая,
С дороги горькой
Не спускала глаз,
Не веря скорбной повести Ибрая,
Душою не приняв
Его рассказ.
Ибрай же,
Словно тень,
Ходил за нею, —
Вторую тенью стал —
Второй бедой!..
Клянись
С покойным дружбою своею,
Твердил вдове
О верности мужской
И о любви,
Палящей и бессрочной,
Которую сквозь годы
Ей он нес...
Но Арукыз лишь опускала очи
И содрогалась от горячих слез.

С тех пор
Зима холодная минула,
Вновь край был
Летней пегой разморен.
Уже давно приметили в ауле,
Что был Ибрай
Без памяти влюблен.
За Арукыз ходил он
Неотступно,
Как грусть ее по мужу, —
Следом в след!

...И как-то раз
Отцы решили купно:
Нурая ждуть
Вдове резона нет.
Видать, судьба!..
Засохнет молодая,
А мертвого — увы! —
Не воскресить!..
Пускай выходит замуж за Ибрая.
Умершим — память,
А живому —
Жить!
— Женитесь, дети!
Пусть беде
Дороги
Вовеки не сыскать
В ваш светлый дом,
Пусть горести
Споткнутся на пороге,
И мир царит
Над вашим очагом!

Был сенокос.
Восторженно звенела
Отточенными косами страда.
Всем на покосе
Находилось дело,
В степи подгорной
Множились стога.
Звенели косы...
Позже,
Над равниной
Звенели песни
В тишине ночной...

Ибрай,
Как все аульские мужчины,
С косой не расставался
День-деньской.
Страда уже кончалась.
Вдруг с востока
Рванулся ветер,
Как предвестник гроз,
И перекасти-поле, издалека,
К Ибраю он
По выкосам принес...
Махнул косой Ибрай,
И боль застлала
Ему глаза —
Ни охнуть,
Ни вздохнуть! —
Как плети,
Руки рухнули устало,

На сердце
Камнем навалилась жуть...

— Что вдруг, Ибрай,
Стряслось с тобой,
Ты болен?
Ужален, может? —
Красен, точно медь,
Чем куст травы той —
Перекасти-поле —
Так напугал тебя, Ибрай?
Ответь!..

И с яростью,
Невиданной доселе,
Стал перекасти-поле он топтать,
Что даже губы
Мертво побелели.
Потом,
Не в силах приступа унять,
Шагнул к жене,
Ответив через силу:
— Так, ничего.
Жара.
Видать, устал... —
Но только Арукыз не отступила:
— Тайн не скрывать:
Ты клятву мне давал!.. —
Подумалось в тот миг ей почему-то:
«Чужой он мне.
Не стал, хоть муж,
Родным...»

Тянулись молчаливые минуты,
Удушливые,
Как кизячный дым...
Ибрай,
Виденьем изведен преступным, —
Безвинного
Предательски убить! —
Гонимый тенью друга неотступно,
Решился злую участь облегчить:
«Своих бессонниц
От жены не спрячешь,
Догадками она угнетена.
Скажу ей полуправду, —
Пусть поплачет.
Простит авось —
Ведь как-никак —
Жена! —
Что мне принадлежит
По шариа¹,
Пусть в послушанье затаит слезу,
Скажу ей:
Невзначай убил собрата,
Схотясь с ним на дикую козу,
Но умолчал,
Признаться не отважась,
Боясь
Ее навеки потерять...»

«Травинка скажет
И былинка скажет,
И перека²-поле...»

¹ Шариа^т — религиозный свод законов у мусульман.

Не узнать
Горянку обезумевшую было,
Что послушанью обрекал закон,
Лицо ее
Страданье исказило,
Из сердца
Долгий исторгался стон...

— Прости меня.
Любовь была сильнее! —
Сказал Ибрай,
В объятия свои
Привлечь жену пытаюсь поскорее.
Но руки были
До локтей в крови!..

— Убийца!.. —
И с покосов,
Отовсюду,
На громкие стенанья Арукыз,
Как на тревожный звук набата,
Люди
Аульские, родные, собрались.
Весть поразила всех,
Как будто громом:
— Убийца он?!
Кровь брата на руках?!
По всем людским
И божеским законам
Убийце — смерть!
Проклятие в веках!..

Ко сну в ту ночь
Горянка отходила
Одна,
Теперь вторично став вдовой:
Ибрая
Арукыз сама убила
Его кинжалом
Средь травы степной...

Законы чести горские
Нетленны
Не с тех ли незапамятных времен?
Покуда солнце живо во Вселенной —
Торжествовать и правде!
Вдохновлен
Недаром был и я
Легендой этой
Об Арукыз,
О чести и любви,
Что от отцов
Переходила к детям.
Живи, легенда,
С правдою в крови,
О коей,
В землю погребенной даже, —
Как истина не устает гласить, —
Травинка скажет

И былинка скажет,
И перекасти-поле...
Правде — жить!

СОДЕРЖАНИЕ

С т и х и

Дым жизьяка. Перевод Б. Сиротина	5
Ювсан. Перевод В. Краснопольского	7
Думы. Перевод Б. Сиротина	8
Печаль и радость. Перевод Б. Сиротина	9
Конь. Перевод Б. Сиротина	10
Девушка-чабан. Перевод Б. Сиротина	12
Весенний дождь. Перевод Б. Сиротина	13
Отцовские руки. Перевод В. Краснопольского	14
Два пути. Перевод Г. Фролова	16
Репей. Перевод Б. Сиротина	17
Не завидуй! Перевод Б. Сиротина	18
О сердцах. Перевод Б. Сиротина	19
Родник. Перевод Б. Сиротина	21
Очаг. Перевод Б. Сиротина	22
Крылья. Перевод Б. Сиротина	23
Капли. Перевод Б. Сиротина	24
Борозда. Перевод Б. Сиротина	25
Подснежник. Перевод Б. Сиротина	26
В родном ауле. Перевод Б. Сиротина	27
Зачем днем покой. Перевод Г. Корина	29
Горный ручей. Перевод Б. Сиротина	30
Песня чабана. Перевод Б. Сиротина	31
Ласточка. Перевод А. Мелеткиной	33
Сыбызги. Перевод Б. Сиротина	34
Заря в горах. Перевод Б. Сиротина	35
Кунак. Перевод Г. Корина	36
Домбра. Перевод Б. Сиротина	37
Шолпан-юлдуз. Перевод Б. Сиротина	39
Предательство. Перевод Б. Сиротина	40

Тропинка. Перевод Б. Сиротина	41
Шепчутся травы. Перевод Б. Сиротина	42
Колосья. Перевод Б. Сиротина	44
Жаворонок. Перевод Б. Сиротина	45
Звеньевая. Перевод Г. Фролова	46
День за днем. Перевод Б. Сиротина	47
Боза. Перевод А. Мелеткиной	49
Осень. Перевод Г. Фролова	51
Мороз. Перевод Б. Сиротина	52
Люди. Перевод Б. Сиротина	53
Аульские зарисовки. Перевод В. Краснополь- ского	54
Орлы и вороны. Перевод Б. Сиротина	56
Разговор о красоте. Перевод Б. Сиротина	57
Мать. Перевод Г. Корина	58
Кати по степи песни мои... Перевод В. Кра- снопольского	60
П о э м ы	
Кырлу (поэма). Перевод С. Поликарпова	63
Арукыз (ногайская легенда). Перевод С. По- ликарпова	76

Капаев Суюн Иман-Алиевич

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Стихи и поэмы

Редактор

М. Шаповалов

Художник

Н. Сайко

Художественный редактор

Б. Мокин

Технический редактор

Л. Дунаева

Корректор

М. Доценко

Сдано в набор 15/IV-1975 г.

Подписано к печати 8/VIII-1975 г.

A12915.

Формат изд. 70x90^{1/32}

Бумага для глубокой печати.

Печ. л. 3.

Усл. печ. л. 3,51. Уч.-изд. л. 2,72.

Тираж 10000.

Заказ № 1985. Цена 37 коп.

Издательство «Современник»

Государственного комитета Совета

Министров РСФСР

по делам издательств,

полиграфии и книжной торговли

и Союза писателей РСФСР

121351, Москва, Г-351, Ярецевская, 4

390012, г. Рязань, ул. Новая, 69

Рязанская областная типография